

и их идеологий: старого первобытнообщинного строя и формирующегося раннего феодализма, т. е. как обобщенную картину борьбы язычества с христианством? Именно эта идея выдвигается на первый план в произведении Линды. Она обобщенно выражена уже в самом названии «Заря над языческим миром» («Záře nad rohanstvem»), конкретизированном потом в подзаголовке именами двух братьев-князей («...или Вацлав и Болеслав»), представителей христианского «света» и языческой «тьмы».⁵

Ясный ответ на этот вопрос дает поэма Хераскова «Владимир», написанная русским классицистом в честь восьмисотлетней годовщины крещения Руси при князе Владимире. Но в отличие от летописных сведений Херасков превратил Владимира — в соответствии с просветительскими идеалами русских масонорозенкрейдеров времен Екатерины II — в человека, ищущего правду и свет в царстве тьмы. Поэтому мы находим в поэме много образов, заимствованных из масонской символики, где неустанно борются свет и тьма, правда и ложь. Главная идея поэмы содержится уже в ее первых строках: «Вдохни небесное мне, Муза! восхищенье, Владимирово петь святое просвещенье, Которым древняя полночная страна, Как солнцем с высоты до днесь озарена; Владимир свой народ преобразил, прославил, Кумиров истребил и Богу храм поставил».⁶ Уже в этих стихах отражена основная тема произведения: «святое просвещенье» полночной страны, озаренной «солнцем с высоты», истребление кумиров и постройка храма, что является одной из основных аллегорических целей всех масонских лож.

Для чешского писателя, стремящегося изобразить подобную картину из отечественной истории, поэма Хераскова «Владимир» была стимулирующим образцом. На своем пути к христианству легендарному князю Киевской Руси Владимиру приходилось сталкиваться с проблемами, подобными тем, которые возникали в Чехии во времена князей Вацлава и Болеслава. Родственный характер тем обусловил сходство ряда характеристик и некоторых частей сюжета. Владимир у Хераскова с ужасом вспоминает о том, как он убил своего брата Ярополка, — аналогичное братоубийство совершил и чешский князь. Отдельные части общей темы в обоих произведениях распределены по-разному в зависимости от конкретных условий и известных фактов истории Киевской Руси и Чехии. Однако Владимир в изображении Хераскова во многом напоминает чешского братоубийцу Болеслава, с трудом, через внутренние противоречия, преодолевая языческие традиции, про-

⁵ См. об этом: Vodička F. Počátky krásné prózy novočeské, s. 176, 244 и сл.

⁶ Эпические творения Михайла Хераскова. Ч. II. Изд. второе, исправленное, пересмотренное и дополненное. М., 1787, с. 1. — В этом издании неправильно пронумерованы страницы 137—145; цитируя стихи, напечатанные на этих страницах, мы приводим исправленную пагинацию (далее ссылки в тексте).